

С помощью Эфиры подавляющим большинством голосов было принято решение дать мне год испытательного срока, чтобы я доказал, что достоин святилища. Развязка была великолепной. Всем остальным показалось, будто тринадцатилетний мальчишка каким-то образом растопил сердце известного своей холодностью и безжалостной прагматичностью члена Высшего совета всего лишь с помощью впечатляющей речи. Только Неттари, Гемон и я знали правду.

А Гемон загнал себя в угол. Он смотрел на меня через всю комнату, давая понять, что этот вопрос так просто не уладить.

После этого к нам подошел Ралакос. Он улыбнулся легкой улыбкой, сверкнув острыми резцами. — Отличное зрелище, юный Кэрн. Об этом будут говорить годами.

— Это все благодаря моей замечательной поверенной. — Я отмахнулся, так как время для напыщенности и самовосхваления прошло. — Если бы не она, боюсь, я бы выставил себя на посмешище.

Неттари покачала головой. — Эфира была не единственной, кто не раскрывал свои карты.

Ралакос проигнорировал это замечание. — Теперь, когда решение принято окончательно, я хочу предложить юному Кэрну остановиться в моем поместье. Там много места, и ему нужно будет многому научиться в ближайшие месяцы, чтобы подготовиться. — Ралакос сказал это так, словно это была самая очевидная мысль в мире. Неттари слегка напряглась. Я увидел, как ее хвост высунулся из-под темной мантии и коснулся запястья, прежде чем она подавила это частое движение Майи.

Ралакос казался вполне приличным инферналом. Он был союзником, и меньше всего хотелось оттолкнуть его от себя. Но доводилось слишком часто сталкиваться с подобным поведением дворян. На слушаниях он держался достойно, но всегда занимал отстраненную позицию. Теперь, когда битва была «выиграна», он намерялся ворваться и присвоить себе трофеи. Если бы я добился успеха, то стал бы достойным уважения тех, кто меня поддержал.

И Неттари прыгнула в огонь ради меня, не зная исхода.

Я глубоко поклонился Ралакосу. — При всем уважении, у моего народа есть обычай, касающийся этого вопроса.

— И какой же?

— Лучше всего танцевать с тем, кто тебя привел. — Я шагнул к Неттари, подкрепляя нашу сплоченность.

Неттари выглядела искренне удивленной. Ралакос посмотрел на нас двоих и разразился глубоким залившимся смехом, который заставил повернуть несколько соседних голов.

— Конечно, я забыл о главном. Поверенная Неттари отлично поработала в этот прекрасный день.

— Благодарю вас, мастер Ралакос. — Неттари поклонилась.

— Если это возможно, я хотел бы принять ваше предложение о помощи для дальнейшей подготовки, — с надеждой сказал я.

Ралакос отмахнулся от просьбы. — Считайте, что договорились. Неттари, дай мне знать, если тебе понадобится что-нибудь, чтобы сделать пребывание Кэрна более комфортным.

Это было замечание вскользь, но такое, которое было сказано по рассеянности. Я коротко поговорил с Эфирой на тему торгового пути, Гемон все время подглядывал со стороны. Она была из высшего сословия, с которым у меня было больше всего опыта общения, из тех, кого, в основном, заботили только деньги. Мне стало интересно, почему они оба так спокойно отнеслись к идее бросить своих за воротами. Пока что это знание было за пределами моего понимания.

Следующие шесть месяцев прошли невероятно быстро.

Несмотря на все мои опасения, отец просто снял блокаду после получения моего письма. Он не прислал никакого ответа, что насторожило. Было логично не ждать ответа на первое письмо. Тот факт, что он получил второе, легко согласился на мою просьбу и не ответил, был зловещим. Возможно, он счел некоторые из моих предсказаний верными, но я почему-то сомневаюсь, что все было так просто. С моим отцом никогда не было все просто. Сейчас он играл в свою собственную игру, и я никак не мог понять, в чем она заключается.

Большая часть моего золота была потрачена на выздоровление, а в семье Майи, как быстро выяснилось, каждый вносил свою лепту.

Раннее утро проходило в поддержании режима, который я выстроил в камере магов, пробежках и работе над своим телом. Просыпался я раньше всех и принимал душ по возвращении. После этого начиналась суматоха: либо помогал Кильвиусу с Рином, либо следил за тем, чтобы у Неттари было все необходимое, прежде чем она отправится в совет на весь день. У Майи были ежедневные обязанности у обрыва: она лечила раненых, вернувшихся из пропасти, включая inferнальных детей, которые отказались от посещения святилища.

Вторая половина дня была разделена между учебой и посещением одной из местных аптек, обычно для того, чтобы обменяться методиками и рецептами с неуклюжим красным inferналом по имени Казикас, который платил мне скромную зарплату. Раз в неделю навещал Ралакоса, хотя тот, казалось, был больше увлечен звучанием собственного голоса, чем моим обучением. Он присылал наставников в дом Неттари, а также одного из своих гвардейцев для спаррингов — inferнал не дотягивал до уровня Сефура, но, по крайней мере, это всё указывало на мои успехи.

В анклав действительно существовала классовая система, хотя она была связана не столько с цветом кожи, сколько с магическим родством. Фиолетовые инферналы обладали самым высоким потенциалом к магии, за ними следовали голубые и, наконец, красные. Среди этих категорий встречались исключения, но в целом существовала относительная граница. Самый сильный синий никогда не превысит уровень сильного фиолетового, а слабый синий почти всегда будет сильнее красного.

Неттари была слабой фиолетовой, но все же относительно талантливым магом воды. Кильвиус владел незначительной магией земли и легким сродством к воде, которое он унаследовал от своей жены.

Это сразу привлекло мое внимание. Они неохотно рассказывали о деталях, но вкратце можно сказать, что у инферналов был метод соединения душ. Это был интимный жест, который совершался между романтическими партнерами или друзьями на всю жизнь. Обычно это можно было сделать только один раз, и это было не слишком практично и эффективно — в большинстве случаев та малая магия, которая переносилась, была значительно слабее, а часто вообще не проявлялась. Были и другие преимущества. Когда я спросил, почему из этого не извлекают выгоду, инферналы отреагировали так, будто я только что спросил, почему они не заключают брак, а Неттари довольно агрессивно велела мне прекратить болтать и доесть овощи. Я отметил, что это культурная особенность.

А сама магия, она оказалась гораздо сложнее, чем я мог себе представить.

Мы с Джоррой сидели бок о бок, скрестив ноги. Для тренировок использовали одну из больших боковых пещер. С потолка свисали сталактиты, блестящие конусы, из которых время от времени капала вода в небольшой минеральный колодец внизу. По моему лбу стекала струйка пота. Я протянул руку и вызвал пламя. Теперь это можно было назвать пламенем, а не искрой. Хотя оно было небольшим, не больше свечи, но все равно значительно превосходило ту искру, которая была несколько месяцев назад. Боль в груди практически не ощущалась.

Насколько понял, метод, который я использовал раньше, был равносильен игре на клавесине с помощью булавы. Да, он работал, и более высокоуровневые практики Данталиона иногда использовали его таким образом, но этот метод лучше использовать в экстренных случаях, так как он, как известно, сильно напрягает душу.

У каждого мага был хотя бы один элемент. Это я уже знал. Однако не знал, что эффективная элементарная магия, о которой часто рассказывают в историях, служит лишь основой. Существовали более сложные методы, с помощью которых эти элементы можно было вплетать в заклинания. Инферналы в анклав обычно смотрели свысока на применение элементарной магии в бою без одновременного использования другой, считая ее примитивной и неприглядной. В случае с пламенем Данталиона вопиющее использование элементарной магии было особенно опасно, поскольку пламя распространялось так быстро, что могло легко вырваться из-под контроля заклинателя, если ситуация выходила из-под контроля. С другой стороны, многие человеческие маги считали заклинания ненадежными и громоздкими, предпочитая сосредоточиться на грубой элементарной магии.

Я заглянул в себя, нашел свою ману и толкнул. Пламя рассеивалось в фиолетовой дымке. Я сосредоточился на нем, желая, чтобы оно осталось целым, и влил в данталион больше маны, чтобы расширить облако неясного пламени, пока оно не стало достаточно большим, чтобы полностью окутать меня. Пламя окружило меня, призраки пламени закружились вокруг моей фигуры. Температура вокруг слегка повысилась, и по моему лбу потекла вторая бисеринка пота.

Затем я собрал его в сферу на своей ладони и бросил ее вперед. Сфера попала в цель — соломенного человека, смоченного розовой водой и взорвалась, оставив внушительный след от удара.

— Хорошо, — кивнул Кильвиус, — Но слишком медленно. Джорра?

Джорра заключил себя в кольцо тумана, выполнив действие, на которое у меня ушло тридцать секунд, менее чем за десять. Он послал вращающийся диск воды под давлением в манекен, снаряд закрутился и врезался в цель. Вода как элемент не очень подходит для такого типа снарядов, но ему все равно удалось попасть точнее, чем мне. Он усмехнулся, а я закатил глаза и стукнул его кулаком.

— Выпендрился.

— Ты становишься лучше. У меня больше нет времени дремать, пока ты колдуешь. — Джорра высунул язык.

Он не ошибся, определенно, я становился лучше, но темпы роста были не такими значительными, как мне хотелось бы. Толкать и тянуть предметы с помощью пламени стало для меня естественным, как и некоторые другие незначительные заклинания.

Я потрепал колючие волосы Джорры. — Продолжай говорить, большой парень. В один прекрасный день я промахнусь мимо манекена и подожгу тебя.

— Только ты можешь так сильно промахнуться. И только если я не утоплю тебя первым.

— Думайте быстрее, — сказал Кильвиус.

Я тут же призвал пламя и повернулся к нему, расширяя его в круглый фиолетовый щит. Камешек пролетел мимо меня и попал Джорре прямо в лоб.

— За что?! — воскликнул Джорра, болезненно держась за место удара.

— Потому что я знал, что Кэрн заблокирует его. — Кильвиус весело подбрасывал второй камешек. — Ты лучший заклинатель, у него лучше защита и рефлекссы. Вы должны компенсировать друг друга в святилище.

Кильвиус постоянно проделывал подобные фокусы. Поначалу это совершенно выбивало из колеи. Когда отец учил нас чему-либо, будь то фехтование, государственное устройство, черт возьми, даже основам истории, нас постоянно и непрерывно противопоставляли друг другу. Если один добивался успеха, это автоматически означало, что остальные потерпели неудачу.

Но Кильвиус всегда находил способ похвалить обоих. Даже в самом начале, когда лучшее, на что я был способен, — это жалкое подобие ауры. Он исправлял мои ошибки, а потом просил Джорру рассказать, каково было ему, когда он только начинал плести заклинания. Кильвиус постоянно повторял, что мы союзники, и что в будущем будем полагаться друг на друга.

Учиться продуктивно и полезно, а не мучительно и напряженно — это был новый опыт.

На другой стороне миниатюрного озера Кастрамот в раздражении издал особенно громкий клокочущий звук. Майя невозмутимо сидела рядом с ним и спокойно медитировала, окутанная зеленым светом. Она брала демона с собой на занятия, каждый раз, когда мы отправлялись на окраину — меньшим демонам разрешалось находиться в городе, но большие считались угрозой безопасности. На самом деле он был просто большим грубияном. Умным, но его способность к физическому насилию и естественная регенерация были его лучшими чертами. Я наблюдал, как Майя равномерно вдыхает и выдыхает, и в груди у меня защемило. Она войдет в святилище меньше чем через неделю, на следующий день после своего пятнадцатилетия.

Учитывая разницу в возрасте между нами, ничего не поделаешь. Совет уже нарушил правила, разрешив мне войти в святилище в возрасте четырнадцати лет, при условии, что я выполню свою часть сделки. Тем не менее мысль о необходимости разлучаться с ней на такой срок казалась неправильной.

На этот раз камешек все-таки попал мне в лоб.

— Ай. — Я перевел взгляд на Кильвиуса, который наблюдал за мной, приподняв бровь.

— Будь внимателен. — В его голосе прозвучал легкий оттенок веселья. — Как я уже говорил, нам придется прерваться. Я возьму Джорру с собой на рынок, чтобы купить кое-что для Майи. Лучше не ждать до последнего момента. Хочешь пойти с нами или остаться здесь и практиковаться?

— Я останусь.

— Уверен?

Я кивнул.

Кильвиус мгновение смотрел то на меня, то на своего сына, потом заговорил. — Джорра, иди вперед. Я догоню. — Джорра вытянул руки над головой и побежал прочь, направляясь к устью

пещеры и к тропе, ведущей обратно в анклав.

Кильвиус присел рядом со мной, положив руки на колени. Он наблюдал за медитацией Майи, и на его губах играла грустная улыбка.

— Знаешь, не нужно так сильно напрягаться, — сказал он.

Я не знал, как на это реагировать. Его замечание было из лучших побуждений, но оно противоречило всей сложившейся ситуации. — Если бы только это было правдой.

— Я говорю чисто с практической точки зрения. Я понимаю, что ты считаешь то, что делаешь, важным. И это так. На твоих плечах лежит большой груз. Я могу говорить только на основе своего ограниченного опыта, но время от времени нужно делать перерыв. Наслаждаться жизнью. — Он посмотрел на меня со знанием дела. — Высыпайся как следует.

Я вздрогнул. Очевидно, мое чтение и поздние вылазки в пещеру были замечены. Конечно, он был прав. Вероятно, мое поведение в последние несколько месяцев становилось все более неумным.

— Я... боюсь, — признался я.

— Чего боишься?

— Что если я остановлюсь, даже на мгновение, то вернусь к тому, что было раньше. Что вернусь к той же модели поведения, когда день за днем плыву по течению, ожидая, что мир разберется со всем за меня. — Я нахмурился.

Кильвиус рассмеялся. — Ты слишком молод для такого самоанализа. — Он встал и похлопал меня по плечу. — Может, сейчас это и не ощущается, но ты добился значительных успехов. Усердно работать — это прекрасно. Только не перебори. Понимаю, я для тебя практически незнакомец, но все же, горжусь тобой.

Горжусь тобой.

— ... Спасибо, — сказал я неловко. Это была такая мелочь, но никто не говорил мне этих слов с тех пор, как умерла мать. От нахлынувших эмоций стало неловко, и я отвел взгляд.

Кильвиус попрощался и ушел.

Выждав несколько минут, я пошел проверить, не задержался ли кто за пределами пещеры. Майя оторвалась от своих размышлений и посмотрела на меня.

— Все чисто? — спросила она. Кастралот поднялся на все четыре лапы в предвкушении. Из его рта капала слюна.

— Да.

Я снял верхнюю одежду, не желая ее испачкать, затем прошел в центр пещеры и вытащил меч, уставившись на демона.

— Ну что, приступим?

<http://tl.rulate.ru/book/77890/2437871>